

УДК 322(470.44)|1941/1942|

Взаимоотношение Советского государства и Русской Православной Церкви в начальный период Великой Отечественной войны (на материалах Саратовского Поволжья)

Я. Ю. Гусева

Гусева Яна Юрьевна, соискатель кафедры отечественной истории и историографии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, YanaGuseva85@mail.ru

В статье раскрываются взаимоотношения Советского государства и Русской Православной Церкви (РПЦ) в начальный период Великой Отечественной войны на территории Саратовского Поволжья. Исследуется стремительное изменение политики государства в отношении РПЦ: от откровенно враждебной до доброжелательной к концу 1942 г. На анализе конкретных фактов выявляются важнейшие причины такой трансформации, среди которых выделяется массовое открытие храмов на оккупированной территории. Информация о лояльном отношении оккупантов к верующим доходила до Саратовской области и вызывала определенную неблагоприятную для власти реакцию населения. Переход государства от политики разгрома РПЦ к восстановлению ее деятельности происходил настолько быстро, что вызывал удивление верующих и растерянность функционеров нижних звеньев власти, не получавших информации о причинах такого явления.

Ключевые слова: взаимоотношения Советского государства и Русской Православной Церкви, начальный период Великой Отечественной войны, Саратовская область, Саратовская епархия, открытие храмов.

Поступила в редакцию: 04.01.2020 / Принята: 25.03.2020 / Опубликована: 30.09.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

The Relationship Between the Soviet State and the Russian Orthodox Church in the Initial Period of the Great Patriotic War (on the Materials of the Saratov Volga Region)

Ya. Yu. Guseva

Yana Yu. Guseva, <https://orcid.org/0000-0003-0014-5448>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, YanaGuseva85@mail.ru

The article reveals the relationship between the Soviet state and the Russian Orthodox Church (ROC) in the initial period of World War II on the territory of the Saratov Volga region. The author explores the rapid change in state policy towards the Russian Orthodox Church: from openly hostile to benevolent by the end of 1942. On the analysis of concrete facts, the author identifies the most important reasons for such a transformation. Among them, the author also highlights the mass opening of churches in the occupied territory. Information about the loyal attitude of the invaders towards the believers reached the

Saratov region and caused a certain unfavorable reaction of the population for the authorities. The transition of the state from the policy of defeating the Russian Orthodox Church to the restoration of its activity took place so quickly that it surprised the believers and confused the functionaries of the lower echelons of power who did not receive information about the causes of this phenomenon.

Keywords: Relations between the Soviet state and the Russian Orthodox Church, the initial period of the Great Patriotic War, Saratov Region, Saratov Diocese, opening of churches.

Received: 04.01.2020 / Accepted: 25.03.2020 / Published: 30.09.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-398-404>

Начавшаяся 22 июня 1941 г. Великая Отечественная война изменила установившийся к концу 1930-х гг. уклад жизни в СССР. Довольно скоро стало меняться и отношение государства к Русской Православной Церкви. К началу Великой Отечественной войны она была фактически разгромлена, множество запретов опутывало ее со всех сторон, сотни священников томились в тюрьмах и лагерях. Накануне войны в Советском Союзе осталось около 100 соборных и приходских храмов¹. Русская Православная Церковь в Саратовской области накануне войны также была на грани уничтожения². С 1937 г. по июнь 1942 г. в Саратовской епархии не было правящего епископа³. Саратовская епархия не была упразднена, но не действовала фактически, так же как и другие епархии региона: Астраханская, Сталинградская⁴. Если в 1928 г. на территории современной области насчитывалось до полутора тысяч православных храмов, которые проводили в среднем до 20 тыс. официальных религиозных мероприятий в месяц⁵, то к 1941 г. легально действующих храмов и молитвенных домов РПЦ в Саратовской области не осталось⁶. В 1930-е гг. 211 церквей использовались под производственные нужды⁷.

Передача храмов организациям и их разрушение продолжалось и в предвоенные месяцы 1941 г. Так, 14 апреля Волжским райисполкомом г. Саратова было постановлено разобрать купола Духосошественской церкви и взамен установить крышу, а 13 июня 1941 г. власть приняла решение о переоборудовании здания Духосошественской церкви под кинотеатр⁸.

Разгром церковной организации не привел к желательным для советских властей результатам. С уничтожением большей части духовенства не

исчезла потребность колоссального количества людей в религиозной вере. В 1940 г. в Антоновке Ершовского района Саратовской области в средней школе на новогодней елке вместо звезды был обнаружен бумажный крест. В Бакурском районе верующие организовали тайные молитвенные дома, проводя собрания друг у друга⁹. В Базарно-Карабулакском районе в селах Базарный Карабулак, Алексеевка, Толстовка, Березовка и других совершались религиозные обряды, крещения детей и похороны¹⁰. В предвоенные годы в Ртищевском районе проводил активную работу среди населения «поп – передвижка»¹¹.

Ж. В. Яковлева отмечает массовость обозначенных выше явлений в Саратовском Поволжье. Она пишет, что атмосфера повседневности жителей региона конца 1930 – начала 1940-х гг. была пропитана эсхатологическими настроениями – широким распространением слухов о скором конце света. Виной тому были все тяготы жизни, которые каждодневно приходилось преодолевать человеку. Трансформация веры поднимала на поверхность пласты суеверия и языческих страхов, создавая неразбериху в головах¹². Например, заведующая магазином в Октябрьском районе г. Саратова получила записку, в которой было написано, что для спасения нужно каждый день читать молитву «Отче наш». При этом указывалось, что такую же записку нужно раздать другим 9 верующим людям. Если никому не передать, то в жизни этого человека случится «великая скорбь»¹³.

С началом Великой Отечественной войны Русская Православная Церковь оказывала активную практическую помощь стране¹⁴. Саратовская епархия также заняла патриотическую позицию. Архиепископ Андрей (Комаров), назначенный на саратовскую кафедру 9 декабря 1941 г., писал послания к верующим, в которых укреплял уверенность в том, что близок час победы, призывал во что бы то ни стало одолеть врага¹⁵. Сменивший его на саратовской кафедре архиепископ Григорий Чуков призывал верующих к пожертвованию на строительство танковых колонн, помощь инвалидам войны, потерявшим трудоспособность, и их семьям¹⁶. Православное духовенство Нижней Волги активно выступало с патриотическими проповедями. В первой проповеди 8 октября 1942 г. настоятель Свято-Троицкого собора г. Саратова о. Борис (Вик) призвал верующих сплотиться в борьбе против нацистов, показать свой истинно русский патриотизм как на фронте, так и в тылу¹⁷. Не прекращались и молитвы о даровании победы над фашизмом¹⁸. По мнению ряда исследователей, именно такая патриотическая позиция РПЦ повлияла на улучшение государственно-церковных отношений.

Но главными причинами изменения отношений власти и Церкви все же были внешнеполитические факторы и, в частности, церковная политика нацистского режима на оккупированных территориях. Гитлер в 1941 г. секретным прика-

зом запретил во время войны с СССР проведение каких-либо мероприятий против Церкви. На территориях, подвергшихся немецкой оккупации с 1941-го по 1943 г., было открыто около 9 тыс. православных храмов. Тем самым нацистский режим пытался обеспечить лояльность населения к своей власти. В то же время на подконтрольной советскому руководству территории СССР за все годы войны действовало лишь 718 храмов¹⁹. Этот факт отмечается не только протоиреем Г. Митрофановым, но и такими известными исследователями положения РПЦ в годы Великой Отечественной войны, как О. В. Васильева, С. А. Мордвинов, К. А. Полозова, И. Я. Шимон, М. В. Шкаровский, В. Н. Якунин и др.

Религиозная политика нацистского режима на оккупированной территории порождала нежелательные явления в тыловых регионах, в том числе в Саратовской области. Заведующий отделом пропаганды и агитации Саратовского горкома ВКП (б) писал 17 сентября 1941 г.: «Есть такие граждане, которые говорят, что Гитлер ведет войну с коммунистами, а население не трогает, церкви не разрушает, а потому ему сопротивляться не следует»²⁰. Инструктор по информации горкома ВКП (б) Абкина сообщала 15 октября 1942 г. секретарю Саратовского горкома ВКП (б), что в рабочую среду проникли нездоровые настроения. Например, работницы фабрики-кухни завода комбайнов говорили о том, что фашисты не трогают верующих людей. Одна из них добавила: «Я-то кое-что знаю из Закона Божьего, а вот дочь у меня не знает, нужно ее подучить»²¹.

Была и другая внешнеполитическая причина изменения политики государства в отношении РПЦ. Советское руководство активно добивалось открытия Второго фронта, надеясь на военную помощь США и Великобритании. РПЦ в связи с этим уже во второй половине 1941 г. выступала на международной арене с апологетической позицией по отношению к политике СССР. Так, обязанность озвучить ряд официальных заявлений от лица православного епископата о положении Церкви в Советском Союзе была возложена на архиепископа Саратовского Андрея (Комарова), который 24 декабря 1941 г. дал интервью Гилмору Кингу, корреспонденту агентства «Ассошиэйтед пресс» (США)²².

Архиепископ Андрей акцентировал внимание на широкой патриотической работе Церкви в обществе, подчеркнул, что во всех храмах служатся торжественные молебны о победе войск антигитлеровской коалиции, что верующие надеются на бескорыстную братскую помощь США своему союзнику – России. На вопрос корреспондента о положении духовенства и верующих в СССР архиепископ Андрей ответил: «Советская власть никогда не ограничивала свободу вероисповедания. Советская власть твердо держится принципа веротерпимости для всех религий»²³. Объективность этого утверждения достаточно легко опро-

вергается многочисленными примерами из жизни РПЦ 1930-х гг., однако в качестве оправдания сказанному архиепископом Андреем можно зачесть тот факт, что в конце 1941 г. в политике советского руководства по отношению к РПЦ реально стали происходить позитивные сдвиги.

В результате изменения государственно-церковных отношений появилась возможность совершать архиерейские хиротонии²⁴. Осенью 1941 – зимой 1942 гг. начинается работа по восстановлению епархиальной жизни в Поволжье. Будущий архиепископ Саратовский и Петровский Андрей (Комаров) благодаря заступничеству митрополита Сергия был отпущен на свободу в начале сентября 1941 г. С 25 сентября по 9 декабря 1941 г., он управлял Куйбышевской епархией, далее получил назначение на Саратовскую кафедру. Но так как в Саратове не было ни одного действующего храма, архиепископ Андрей до сентября 1942 г. продолжал жить в Куйбышеве, начав ходатайствовать об открытии Свято-Троицкого собора Саратова²⁵. 26 августа 1942 г. его перевели в Казанскую епархию²⁶.

В октябре 1942 г. Саратовскую епархию возглавил архиепископ Григорий (Чуков). Архиепископ, а тогда еще только митрофорный протоиерей Николай Чуков, находился в ссылке в Саратове с 10 марта 1935 г. Письмо митрополита Сергия с просьбой о принятии монашества с последующим архиерейством пришло и в Саратов в октябре 1942 г. После некоторых раздумий о. Николай согласился. 12 октября 1942 г. митрополит Сергий вручил ему указ о назначении его епископом Саратовским²⁷.

Спустя некоторое время после начала Великой Отечественной войны была прекращена антирелигиозная пропаганда. Вместо этого пропагандисты и агитаторы стали больше говорить о патриотизме, о героическом прошлом русского народа, не отделяя его от церкви²⁸. Так, если в 1940 г. в Саратовской области на естественно-научные и антирелигиозные темы было прочитано 2315 лекций, проведено 80 семинаров, 120 художественных постановок, 350 антирелигиозных экскурсий²⁹, то после начала Великой Отечественной войны в документах Саратовского обкома партии можно встретить упоминания лишь отдельных выступлений на антирелигиозную тему.

Позднее на пленуме обкома ВКП (б) 6 декабря 1942 г. первый секретарь Саратовского обкома ВКП (б) П. Т. Комаров сказал, что в данное время «никаких особенных задач антирелигиозной пропаганды не стоит. Вести антирелигиозную пропаганду в тех формах, что до войны – нет необходимости. Значит ли это, что мы должны молчать в этом направлении? Нет. Надо вести индивидуальную работу, но никаких антипасхальных и антирождественских работ не проводить»³⁰. Из этой фразы партийного секретаря можно сделать вывод о том, что довоенный жесткий курс на подавление

религиозного сознания населения руководством страны был отменен. Вместе с тем каких-то новых задач в отношении пропагандистской работы среди верующих поставлено не было.

Население нередко удивленно реагировало на изменение государственно-церковных отношений. Среди вопросов, задаваемых пропагандистам в ноябре 1941 г., был и такой: «Чем объяснить, что даже епископы посылают нам приветствия». На семинаре работников пропаганды и агитации было сказано, что население интересовалось вопросом: правда ли, что в воинских частях будут служить «попы»³¹?

Постепенно местные органы власти и управления и сами стали понимать, как важно сконцентрировать верующую часть населения вокруг РПЦ. Для осуществления этой цели необходимо было увеличить количество церквей в тыловых областях страны. При открытии церквей местные власти преследовали две основные цели: 1) Церковь становилась очагом, источником патриотических настроений; 2) Церковь стала добровольным организатором сбора средств на нужды обороны среди верующих³². Открытие церквей происходило в районах, имеющих важное стратегическое значение (промышленных, сельскохозяйственных центрах и железнодорожных узлах) и большую численность населения.

8 октября 1942 г. исполком Саратовского городского Совета принял решение о заключении договора с группой верующих о передаче Старого собора по ул. Ленина, дом 6 в бесплатное арендное пользование. На заключение договора был уполномочен заместитель председателя исполкома Саратовского горсовета А. Ф. Железняков. Согласно договору верующие обязались не допускать политических собраний, произнесение проповедей, содержащих выпады против Советской власти, совершение религиозных обрядов над детьми без письменного согласия их родителей. Верующие были обязаны беспрепятственно допускать в здание церкви представителей исполкома горсовета для осмотра и проверки имущества. Важным пунктом было требование документов из ЗАГСа при совершении обрядов (крещений, погребений и др.)³³.

Открытие собора произошло в 1942 г. не случайно. Шли кровопролитные бои под Сталинградом, противник усиленно бомбил заводы прифронтового Саратова, железнодорожный мост через Волгу, нефтебазу в районе Улеши³⁴. Инструктор Саратовского горкома ВКП (б) Абкина 26 сентября 1942 г. докладывала: «Во время появлений вражеских самолетов над городом начинается стрельба из зенитных орудий. Расходятся заряды, засыпают осколками город, снаряды рвутся на больших расстояниях от самолетов и не дают эффекта... В связи с налетами напряжение в городе возросло»³⁵. Людям нужна была духовная поддержка и утешение, которые они нашли во вновь открытом храме.

В докладной записке от 15 октября 1942 г. на имя первого секретаря горкома ВКП (б) коммунист Разумова сообщала, что в храме на первой службе преобладали женщины, больше пожилые, но были военные и молодежь. Присутствующие разговаривали: «Вот разрушили такое сокровище, а теперь восстанавливают». Или: «Смотрите, сколько детей, да они молиться не умеют». В ответ: Научатся, теперь батюшка будет преподавать Закон Божий». Другая старушка вздыхала: «Ох! Господи только бы принять христианский обряд, а там и умирать не страшно»³⁶.

«Старый» собор стал местом проведения пастьерско-богословских курсов для прибывших из разных мест Саратовской областей священников, центром подготовки причтов в открывавшиеся храмы. Подготовка собора к открытию, комплектование причта и двадцатки, назначение настоятеля были осуществлены архиепископом Андреем Комаровым. Открытие и освящение собора были отмечены благодарностью от Патриархии. Налаживанию служения, возрождению литургической жизни собор и епархия обязаны митрополиту Григорию (Чукову), сменившему архиепископа Андрея³⁷.

Возобновление литургической жизни происходило непросто. Дневники архиепископа Григория создают атмосферу тех дней. Владыка записал в своем дневнике: «Облачать архиерея некому и сегодня ... я должен был стоять некоторое время на облачальном амвоне ... Пришел уже в полном облачении о. В. Спиридонов и кое-как облачили вместе с одной монахиней, причем с омофором возились порядочное время... Алтарница-монахиня в алтаре одна и... ни с чем определенно не справляется... Чтец часов, Смирнов читал с большими ошибками... Какое уж тут “благолепие”»³⁸.

Взаимоотношения областной администрации с епархиальным руководством в лице архиепископа Григория Чукова складывались благополучно. Архиепископ посетил горсовет и облисполком 12 октября 1942 г., сразу после своего приезда в Саратов. Он беседовал с председателем горисполкома Саратовского городского совета депутатов трудящихся А. И. Ключниковым и председателем облисполкома И. А. Власовым. Архиепископ писал в своем дневнике: «...Принимали везде очень внимательно, без малейшей задержки, беседовали подробно». В горсовете владыку уже знали, потому беседовали главным образом о работе по храму. В облисполкоме пришлось подробно рассказать о себе, о назначении, об архиепископе Андрее.

Председатель Саратовского облисполкома И. А. Власов все записывал: какие степени священства, кто такие епископ, архиепископ и митрополит, почему нет Патриарха, кто такие обновленцы, чем они отличаются от Патриаршей Церкви, есть ли за границей наш епископат и где, сколько в какой области приходов и т. п. Председатель облисполкома объяснил, что не хочет быть безграмотным в этой области³⁹. И. А. Власов поинте-

ресовался открытием новых приходов в области: «Чтобы нам не отставать от других...». Из этой, вскользь произнесенной фразы можно понять, что осенью 1942 г. в партийных и советских органах на смену довоенной соревновательной кампании по закрытию храмов пришла и развивалась другая, более умеренная и спокойная кампания противоположного содержания – по открытию церквей и передаче их верующим.

Отвечая Власову, Владыка сказал, что вопрос открытия новых приходов тесно связан с подбором кадров, который не так просто осуществить. «Каждого кандидата необходимо просмотреть, тщательно и серьезно проинструктировать, чтобы не дискредитировать себя и Церковь и в глазах прихожан, и советской власти»⁴⁰.

Реставрацию Свято-Троицкого храма местные органы власти сразу же взяли под свой контроль. Так, на первой же встрече в горсовете попроси ли владыку поскорее отремонтировать собор внутри и заготовить нужные материалы для наружного ремонта храма и ограды. В горсовете объяснили, что это необходимо и для сохранения собора как исторического памятника, и для того, чтобы не было недовольства верующих беспечным отношением советской власти к охране церкви. Не последней причиной было желание показать заботу о благолепии храма приезжавшим властям и иностранцам⁴¹.

Распространенной реакцией на открытии храма среди населения, особенно верующего, было удивление и смятение. Так, после открытия храма в Саратове у населения было столько вопросов, что райкомы партии «не в состоянии были на них отвечать». В числе часто задаваемых вопросов были следующие: «... Чем вызвано открытие церквей?», «Правда ли что священнослужители служат панихиды за павших бойцов?», «Правильно ли, что при служении в церкви поет хор театра оперы и балета имени Чернышевского?»⁴². Последний вопрос задавался и секретарю обкома ВКП (б) на 9-м пленуме 13–16 ноября 1942 г., на который он так и не ответил. Вернее ответил так: «Если уж очень интересуется, то сходите в церковь и посмотрите». Архиепископ Григорий Чуков, назначенный в это время на саратовскую кафедру, в своих дневниках ничего не пишет об этом. Более того, владыка оставил такую запись о хоре 15 ноября 1942 г.: «Певчие плохи – во время причастного запели что-то нотное, да должны были посередине остановиться и перейти на простое...»⁴³ Вряд ли в дневнике шла речь о хоре театра. В архивных документах сведений об упомянутом хоре также не удалось обнаружить.

Открытие храма и отсутствие какой-либо информации о резкой смене политики государства в отношении церкви вызвало новую вспышку различного рода домыслов саратовских обывателей.

Среди населения ходили разговоры, что «Черчилль заставил открыть церкви, что скоро будет НЭП, и англичане будут торговать в Саратове»⁴⁴. Секретарь обкома ВКП (б) П. Т. Комаров в связи

с данными слухами больше всего был расстроен тем, что даже некоторые партийные агитаторы поддались на эти разговоры. Он говорил: «Различного рода враждебные элементы распустили целый ряд слухов, вроде того, что открытие церкви – это ультиматум Англии... Что вслед за этим последует введение свободной торговли, отмена колхозов. Беда в том, что находятся такие агитаторы, которые спрашивают, правда ли это»⁴⁵.

Секретарь обкома партии признался, что международный фактор действительно влиял на новую религиозную политику. Открытие церквей стало ответом консервативным группировкам... негативно относящимся к оказанию помощи Советскому Союзу. Причину своего отношения они объясняли тем, что в СССР имеют место гонения на церковь, в результате чего были закрыты все храмы. Но при этом П. Т. Комаров пояснил, что «не нужно думать, что Англия и Америка на нас надавили, потому что на давление... мы не очень-то податливы, даже если бы такое давление и было»⁴⁶.

Интрига, связанная с открытием храма, усиливалась тем, что районным и местным властям даже не сообщили об этом событии. Зачастую народ узнавал новости раньше администрации. Так, в одном селе секретарь парторганизации собирался написать заявление в НКВД с обвинением в контрреволюции на женщину, которая рассказывала об открытии храма в Саратове. После, узнав, что церковь действительно открыли, сказал: «Какой же я после этого агитатор на селе. Нужно было бы хотя бы по телефону позвонить и нам, и активу. Агитаторам нужно сообщать о новых вопросах нашей жизни. Партия провела большую работу по закрытию церквей, в отдельных местах может быть допускали перегибы, а потом вдруг такой переворот и мы узнаем после народа»⁴⁷.

В Озинках также распространился слух об открытии церкви. Первый секретарь райкома партии тоже не обладал достоверной информацией. Думая, что разговоры не соответствуют истине, решил подготовить доклад на антирелигиозную тему. Смятение продолжалось до тех пор, пока в село не приехал военный из города и не рассказал, что сам лично был в открывшейся церкви. Первый секретарь райкома писал: «Люди приходили за выяснением того или иного вопроса, а мы были не подготовлены».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что решение об открытии храма в Саратове принималось келейно, на уровнях центральной и областной власти без соответствующего информирования и подготовки нижестоящих партийных и государственных структур, агитационно-пропагандистского аппарата и населения. Отмеченное свидетельствует о том, что, по крайней мере, в 1942 г. центральная власть шла на открытие храмов вынужденно и не хотела излишней огласки такого рода акций.

На 9-м пленуме обкома ВКП (б), проходившем с 13 по 16 ноября 1942 г., П. Т. Комаров выступил с

докладом, в котором попытался объяснить причину открытия церкви. Он напомнил, что Конституция СССР признавала свободу вероисповедания равно, как и свободу антирелигиозной пропаганды. Это положение осталось неизменным и в военное время. При этом он пояснил, что отношение большевиков к церкви и религии не изменилось, принципиальная линия осталась той же, как она была очерчена в программе партии и в работах Ленина. Но в ходе войны история исправила ошибки, допущенные до войны, которые состояли в «переадминистрировании». Вместо того, чтобы вести разъяснительную работу среди верующих, большевики сбросили со счетов наличие части верующих нашей страны. П. Т. Комаров привел пример, что в Куйбышеве 2 церкви действовали как до войны, так и во время. И далее объяснил, что верующие люди, если не имеют возможности свободно проводить религиозные обряды, то они невольно ищут места для тайного их совершения. А это создавало условия, чтобы вокруг этих нелегальных церквей группировались всякие контрреволюционные элементы. «Пусть лучше верующие совершат эти обряды легально, чем в потаенных местах»⁴⁸, – сделал вывод Комаров.

Рассуждая о верующих, П. Т. Комаров сказал, что неправильно думать, что все верующие – враги советской власти: «Это наши же советские люди. Это наши отцы, бабушки, дедушки, они же за Советскую власть, но когда-то их воспитывали в религиозном духе, а мы еще не добились того, чтобы их перевоспитать». И в связи с этим, задал вопрос: «Стоит ли обострять отношения с какой-то группой советских людей, которые по отношению к нам не враждебно настроены, но недовольны тем, что они вынуждены совершать религиозные обряды не в церкви? Вот почему Саратовский горсовет и пошел на то, чтобы удовлетворить просьбу верующих об открытии церкви»⁴⁹.

Такое объяснение удовлетворило далеко не всех. Большинство районных функционеров, агитаторов и пропагандистов сходились в одном: «Обкому надо было бы создать в связи с открытием церкви заведующих отделами агитации и пропаганды и дать соответствующую установку»⁵⁰. П. Т. Комаров ответил на эти обвинения следующим образом: «Здесь очень много вопросов, я их все читать не буду, они все похожи одни на другой, это по вопросу о церкви. Сумятица в головах по этому вопросу очень большая, и это свидетельствовало о том, что многие агитаторы и пропагандисты не умеют самостоятельно разбираться в таком уж несложном вопросе, а обязательно ждут какой-то директивы сверху»⁵¹.

Удивительный ответ секретаря обкома партии! Фактически он уклонился от ответа. Это свидетельствует о некоторой его растерянности и неподготовленности к подобным вопросам. В связи с этим можно предположить, что указания сверху по поводу нового отношения к церкви ему были даны четкие и однозначные, но без каких-

либо разъяснений причин резкого изменения политики центральной власти.

Вся предшествующая практика партийно-политической работы на местах, все проводившиеся в отношении церкви мероприятия довоенного периода осуществлялись под жестким контролем вышестоящих органов и не давали исполнителям никакой самостоятельности. Наоборот, всякая несогласованная инициатива осуждалась и преследовалась. За многие годы своей работы партийно-государственные функционеры привыкли к такому стилю работы и боялись проявлять самостоятельность и творчество. Теперь совершенно неожиданно их за это упрекали.

Следует отметить, что очень похожий случай массовой растерянности партийно-государственных функционеров на местах в СССР имел место и раньше, в разгар коллективизационной кампании, когда 2 марта 1930 г. в газете «Правда» была опубликована статья И. В. Сталина «Головокружение от успехов», где суровой критике были подвергнуты те самые методы принудительной коллективизации, которые изо дня в день диктовались сверху. Аппарат на местах добросовестно их выполнял, но вдруг в сталинской статье был обвинен в грубом искажении принципов коллективизации. Причиной появления статьи стала необходимость быстрого отказа от принудительных методов коллективизации в связи с массовым сопротивлением крестьянства и угрозой выхода ситуации в деревне из-под контроля руководства страны. Растерянность функционеров на местах продолжалась до выхода в свет и доведения до функционеров на местах Постановления Политбюро ЦК ВКП (б) от 15 марта 1930 г. «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении», в котором была сформулирована новая политика коллективизации с упором на добровольное вхождение крестьян в колхозы⁵².

Можно уверенно заявить, что резкое изменение политики государства в отношении церкви не в последнюю очередь было вызвано чрезвычайной ситуацией – угрозой потери массовой поддержки верующего населения в неблагоприятных условиях отступления советских войск и вынужденного оставления больших территорий.

Получив от областной власти разрешение на инициативу в реализации новой политики в отношении церкви, некоторые поспешили ею воспользоваться. Так, например, в одном из колхозов Саратовской области его председатель и секретарь первичной парторганизации, собрав коммунистов, объяснили открытие храма в Саратове следующим образом: «Товарищи, для борьбы с Гитлером мы начинаем открывать церкви. В Англии и Америке рабочие молятся Богу, а доход от церквей идет в фонд обороны с Гитлером». Однако партийные руководители области оказались недовольны таким разъяснением ситуации⁵³.

Открытие храма в Саратове поддержала значительная часть населения области. Так, жители

с. Катасоновки, узнав об открытии церкви, переписывали иконы⁵⁴. Однако в среде партийного актива факт открытия храма далеко не всем пришелся по нутру. Нашлось немало твердокаменных коммунистов-атеистов, которые с возмущением встретили это известие. «Подумайте, сколько там людей, вы посмотрите, что там делается, тысячи людей ходят», – говорили они. На что П. Т. Комаров ответил, что ничего страшного нет, если в городе с населением 500–700 тысяч человек ходят в храм 500 чел. При том, что часть людей ходят из любопытства, чтобы посмотреть, «как там служат, так как давно такого не видели»⁵⁵.

Будучи в Куйбышеве на совещании секретарей обкомов по пропаганде, Комаров встретился там с Е. Ярославским, председателем закрытого к тому времени Союза воинствующих безбожников. Комаров рассказал ему об открытии церкви в Саратове и разговорах, связанных с этим событием, на что Е. Ярославский сказал, что «история исправила допущенную нами ошибку». Он признался, что всегда был противником закрытия церквей там, где оставалось много верующих людей⁵⁶.

Таким образом, с началом Великой Отечественной войны отношение власти к Русской Православной Церкви, кардинально изменилось, что объяснялось целым рядом внутренних и внешних причин. В результате практически была прекращена антирелигиозная пропаганда, что подтверждают архивные документы фонда Саратовского обкома ВКП (б). В этот период происходит восстановление архиерейских кафедр, в том числе и в Саратовской области. Реакция населения и районной администрации на открытие храма в Саратове была неоднозначной. Райкомам партии, инструкторам отдела пропаганды и агитации приходилось отвечать на множество «неудобных» вопросов. Открытие Свято-Троицкого собора вызвало множество слухов и разговоров.

Ситуация усугублялась плохой информированностью и несогласованностью властей, из чего можно сделать вывод о том, что областные партийные и советские власти получили из центра лишь самые общие указания об изменении политики в отношении церкви, никакой организованной кампании по этому вопросу не проводилось. Власти на уровне районов и особенно сел узнавали об изменении политики в отношении церкви еще позднее и нередко от собственного населения. Это говорит о том, что специального их информирования не проводилось. И все же к концу 1942 г. новая политика в отношении РПЦ, основанная на лояльности к ней, победила. Подавляющее большинство населения Саратовской области восприняло ее позитивно.

Примечания

¹ См.: Васильева О. Ю., Беглов А.Л., Журавский А.В., Петрушко В.И. Русская Православная Церковь. XX в. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2008. С. 289.

- 2 См.: Гришанина О. В. Информационный потенциал архивов Саратовской области в раскрытии темы. Саратовская епархия в годы Великой Отечественной войны // Русская Православная церковь в годы Великой Отечественной войны. Саратов : СП-Принт, 2009. С. 8.
- 3 См.: Молитва за Победу. Архиепископ Саратовский и Сталинградский Григорий (Чуков) : страницы военного дневника (далее – Молитва за Победу...) // Православие и современность. Декабрь 2009 – январь 2010. № 14. С. 97.
- 4 Там же. С. 42.
- 5 См.: Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 55. Оп. 1. Д. 113. Л. 93.
- 6 См.: ГАНИСО. Ф. 6160. Оп. 1. Д. 42. Л. 38 ; Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 1а. Л. 143, 144.
- 7 См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 4774. Л. 17.
- 8 См.: ГАСО. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 8. Л. 63 ; Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 866. Л. 72.
- 9 См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2065. С. 67.
- 10 Там же. Д. 2065. Л. 64.
- 11 Там же. С. 4.
- 12 См.: Яковлева Ж. В. Антирелигиозная кампания в Саратовском Поволжье (конец 1920-х – начало 1940-х гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2017. С. 199–217.
- 13 См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2822. Л. 21.
- 14 См.: Васильева О. Ю. Русская Православная Церковь в 1927–1943 гг. // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 42.
- 15 См.: Якунин В. Н. За веру и Отечество. Самара : Духовный собеседник, 1995. С. 45.
- 16 См.: Молитва за Победу... С. 59.
- 17 См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2822. Л. 51.
- 18 См.: Гришанина О. В. Указ. соч. С. 9.
- 19 См.: Митрофанов Г., протоиерей. Спасибо товарищу Сталину? URL://http://tricolor.org/history/ka/period/4/mitrofanov/ (дата обращения: 12.09.2014).
- 20 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2388. Л. 36.
- 21 Там же. Д. 2822. Л. 51.
- 22 См.: Фирсов С. Сталинский конкордат // Независимая газета. 2003. 3 сент.
- 23 Цит. по: Мордвинов С. В. Русская Православная Церковь на Нижней Волге и Дону в 1941–1943 гг. : рождение социокультурных традиций : дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2014. С. 53.
- 24 См.: Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь и религиозная политика Советского государства в годы войны // Христианское чтение. 1996. № 12. С. 29
- 25 См.: Мордвинов С. В. Указ. соч. С. 52.
- 26 Там же.
- 27 См.: Молитва за Победу... С. 95.
- 28 См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3839. Л. 36.
- 29 Там же. Д. 2065. Л. 12.
- 30 Там же. Д. 2842. Л. 64
- 31 Там же. Д. 2388. Л. 57 ; Д. 2849. Л. 21.
- 32 См.: Сахарова Л. Г. Государственная политика по отношению к русской православной церкви в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : по материалам Горьковской и Кировской областей : дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2000. С. 45
- 33 См.: ГАСО. Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 890. Л. 10, 12.
- 34 См.: Гришанина О. В. Указ. соч. С. 9.
- 35 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2822. Л. 51.
- 36 Там же.
- 37 См.: Молитва за Победу... С. 95.
- 38 Там же. С. 98.
- 39 Там же.
- 40 Там же.
- 41 Там же.
- 42 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2849. Л. 12.
- 43 Молитва за Победу... С. 98.
- 44 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2849. Л. 12.
- 45 Там же. Д. 2676. Л. 258.
- 46 Там же. Л. 362.
- 47 Там же. Д. 2849. Л. 12.
- 48 Там же. Д. 2676. Л. 260.
- 49 Там же. Л. 361.
- 50 Там же. Д. 2849. Л. 11.
- 51 Там же. Д. 2676. Л. 257.
- 52 См.: Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М. : Интерпракс, 1994. С. 86–90.
- 53 См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2849. Л. 23.
- 54 Там же. Д. 2676. Л. 305.
- 55 Там же. Л. 361.
- 56 Там же. Л. 259.

Образец для цитирования:

Гусева Я. Ю. Взаимоотношение Советского государства и Русской Православной Церкви в начальный период Великой Отечественной войны (на материалах Саратовского Поволжья) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 398–404. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-398-404>

Cite this article as:

Guseva Ya. Yu. The Relationship Between the Soviet State and the Russian Orthodox Church in the Initial Period of the Great Patriotic War (on the Materials of the Saratov Volga Region). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 398–404 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-3-398-404>